

и еще серые
и еще серые

перновик

Петр Кильфельд

переды — безное
... что еще,
краску прощел
что не сумел,
е средн.

ПЁТР КИМЕЛЬФЕЛЬД

черновик

Printed in the USA

Оформление: Виктор Каганович

Copyright: Peter Kimelfeld © 1998 All rights reserved

Отцу моему посвящается

Я знаком с Питером Кимельфельдом больше тридцати лет, ещё с тех пор, когда он был в Киеве Петром Кимом. Он всегда писал стихи. Помню, как их исполняли в цирковой программе начала шестидесятых годов, слышал, как их поют эстрадные звёзды в конце девяностых; уверен, многим из этих стихов суждена долгая жизнь. Самое главное, что я не всегда могу объяснить почему это происходит. Во-первых, стихи Петра Кимельфельда не соответствуют ни одному из ведомых мне канонов поэзии, он и к грамматике относится без особенного почтения. Во-вторых, поэт пишет на темы так или иначе обсуждённые до него тысячу раз. И всё равно интересно. Пожалуй, самый редкостный дар поэта Кимельфельда — его поразительная, беззащитная искренность, неумение соврать красиво, желание разговаривать с вами “по правде,” для души с первой минуты знакомства. Он немедленно стремится сообщить вам всё, что знает о себе, о мире, о человечестве, о своих близких, о “Боге”. Кстати, в слове “Бог” с каких-то пор Питер начал пропускать букву “о”, выстраивая некий собственный вариант иудаизма. Он углубляется в религию исторических

предков; побыв и Петром, и Питером, он ещё, возможно, будет и Пинхусом. Если душа созреет для этого. У него во всём — собственные варианты. Летом на нью-йоркских пляжах он обучает детей плаванию — и тоже по-своему, никто так не учит. Но — странное дело — все дети из его групп умеют плавать уже к концу первого дня. Питер Кимельфельд — очень добрый и хороший человек с замечательным даром убеждающего рассказчика. Сиюминутными успехами он не увлечён. Он не хочет быть первым, десятым или сороковосьмым поэтом Брайтон-бича. Он не хочет свалить вас с ног немыслимыми потоками холодных ассоциаций. Он попросту хочет рассказать вам о себе и о мире, существующем вокруг. Захлёбываясь в словах, наползающих друг на дружку, путая молитвы разных религий, он неутомимо обращает вас в свою личную веру. Приучает к мысли о том, что добрым человеком быть очень удобно и хорошо. И ещё к тому, что добрых людей надо выделять, помнить, надо помогать им. Об этом, собственно, и все стихи в этом сборнике. Прочтите. Самое главное, что автор этих стихов ни разу даже не попытался вас обмануть.

Детство — жизни разбег...

ДОРОГА

Когда к нам милостива жизнь,
Сестра-судьба хранит от боли;
На свете нету лучшей доли,
когда к нам милостива жизнь.
Но если неба паруса
вдруг опрокинулись на плечи,
Не забывай тот светлый вечер,
когда алели паруса.

Дай

Сказать лишь здравствуй и прощай
На целый свет. На белый свет,
где метит Жизнь и метит Смерть
Дороги след.

Дай

Сказать лишь здравствуй и прощай,
Взглянуть на белых вишен цвет,
Услышать смех. Увидеть всех.
Дороги свет.

И если старости метла
догонит за чужим порогом,
Не забывай пути-дороги,
где молодость тебя вела.
Веди, дорога, нас держи;
мы все герои твоей сказки,
Известной под названьем, — счастье
и без названья, — просто жизнь.

1976

ДОНОС: "ВЕЧНОСТЬ"

Я живу и боюсь,
Я пишу и боюсь,
Я молчу и боюсь
своей тени.

...А ещё я боюсь,
ещё больше боюсь —
поколений...

Пимен пишет донос —
метит в вечность,
предая былую верность,
словно вещьность.

...День
до вечера
таит...

Тень
из памяти вечера
тянет:
вещи,
встречи,
свечи
оживают,
встают,
тают...

В меру печален и в меру весел,
гложет Пимена совесть,
гасит Пимен вексель...

Будто ссучились все,
перепуталось всё.
Мельтешат воскресенья и пятницы.
Словно время по мне,
Словно время по мне катится.
...Я стараюсь стерпеться,
я стараюсь стереться,
распластаться, ползти каракатицей.
Только Время
Жестоко и грубо
разрывает стихами губы,
Слова, поднимая, рубит

катится,
катится,
катится.

1970

Мой старый дом, улица. Город. Прощайте.

Упаковываются чемоданы, пересматриваются старые забытые вещи. Мама сидит над полуоткрытым чемоданом и тихо плачет. Я подошёл, обнял её за вздрагивающие плечи... “Сынок, уезжаем. Там, на кладбище, самые близкие, родные. Покидаем. Навсегда. Эвакуация...”

Эмиграция, мама... эмиграция.

И понеслись воспоминания в перестуке колёс и станций — война, эвакуация.

Говорят, что дети, став взрослыми, не помнят себя детьми.

Помнят.

Мне в 41-м было четыре года.

Многое стёрлось в памяти.

Но 42-й... Сибирь...

Небольшая станция, название которой для меня — лучше песни или поэмы.

Станция Кормиловка.

Здесь были киевляне, москвичи, ленинградцы.

И всех приютила и накормила Кормиловка.

Это никогда не сотрётся и не забудется.

...Лето в Сибири кончается быстро, и на огородах есть всё: морковка, брюква, а у некоторых возле дома райки: маленькие, терпкие яблочки из рая.

Часто пойманного в огородах, замурзанного, с заплаканными глазами, меня заводили в дом, и после обычных вопросов

— Где папка?

— На фронте.

— Письма пишет?

— Раньше писал, а теперь нету.

— А где мамка?

— Землю роет на стройке! Кто-то нёс ковш с водой.

Меня мыли, кормили, а на рубашке появлялись заплаты.

Пустили завод. Над ним зажглась красная звезда. Мать перевели в цех.

Меня все знали на заводе. Я ходил и пел песни. Пел о синем платочке, о папанинцах на льдине, пел “Священную войну.” И когда я пел “родимый город может спать спокойно,” люди плакали.

Потом находился затерявшийся леденец или кусочек сахара, и кто-то целовал меня и ерошил мои волосы.

Вечерами я боялся заходить в пустую комнату. И засыпал на скамейке под рябиной, в саду райпотребсоюза. Сонного, продрогшего, мама заносила меня домой, вернувшись с работы. Потом я заболел.

Мать на руках отнесла меня в больницу. Нас было шестеро ребятишек в палате. Здесь-то я впервые и услышал это страшное слово — туберкулёз.

В одну из ночей мне не хватало воздуха... На дворе мороз. Мать вытащила койку в коридор, накалила печку, открыла окна и двери. Завод дал уголь.

Ребят в палате становилось всё меньше и меньше, и нянюшки плакали, когда их выносили.

Из палаты вышел я один.

Около года я валялся дома. Мать, завернув меня в одеяло, большого, нескладного, тащила на руках на поляну перед станцией. А позже выводила, держа за руку, в лес за железнодорожным полотном и, собрав кружку ягод, мы ели их по одной, а мать рассказывала о Киеве и об отце...

Потом был День Победы!

Мы, ребятишки, торчали на станции днями, — а взрослые приходили после работы. Когда кто-то выходил на нашей станции, все кидались к нему, и мы в первую очередь.

— Моего не видал?... там...

Он не уходил с вокзала, а обходя всех и поздоровавшись, низко поклонившись старикам и поцеловав родную землю, подходил к тем, кто стоял в чёрных косынках поодаль.

Уже многие пришли домой. Вернулся и мой отец. Но я всё ходил и ходил встречать с ребяташками и тёмными косынками тех, кого ждали.

Людей на перроне становилось всё меньше и меньше, и женщины, в чёрных косынках, согнувшись, взяв детей за руки, переулками, в слезах шли домой...

Дорога катит по мне.

Война гонится за мной...

Сибирь. Станция. Кормиловка. Женщины в тёмных косынках. В моём сердце. Навсегда.

Мы, обнявшись, сидим на чемодане воспоминаний. Мама тихо плачет и смотрит на фотографию. На фотографии стоит солдат, мой отец. Снег на ушанке, снег на шинели.

Война. Зима 42-го года...

Тридцать лет спустя...

Зима. Метёт метель. Мы идём по кладбищу, медленно прокладывая путь по сугробам, впереди — отец, а я за ним...

“...Знаешь, если ты когда-нибудь не сможешь отыскать дороги к родным могилам, стань спиной к старым воротам и посмотри в небо, и ты увидишь старую берёзу. Вот мы и пришли” — говорит он и кладёт ладонь на заснеженный ствол...

...Теперь навсегда у берёзы.

Года идут. В эмиграции. Летят года. Я не радовал тебя в детстве и огорчал в зрелости, и вот теперь я молюсь, кричу в небо Америки: “Прости меня, отец...”

...I cry to the sky и вижу там, высоко-высоко в небе твою берёзу, и я прошу, молю: скажи, берёза, “Кадиш” на могиле.

“КАДИШ”

Мой папа навсегда в России,
Смерть разделила на года, на мили.
Там сны мои плывут из сини,
...скажи, берёза, “Кадиш” на могиле.

Отец мой дорогой, мне больно и печально,
Что в час мой роковой, суровый и глухой
Ты встал передо мной с улыбкою прощальной
И заслонил, став небом и землёй...

Отец мой дорогой всегда со мною рядом,
Отец мой дорогой стал небом и землёй.
Моя рука в твоей и вешним майским садом
Плывём вдвоём, хранимые судьбой.

Отец мой дорогой, сегодня снова *юрцайт*
И я зажжёт свечу, и говорю с тобой:
Прости меня, отец, что слёзы сами льются,
Прости мои грехи, грехи перед тобой.

Мой папа не приедет... никогда.
Мои грехи дожди не отмолили,
От родины вдали летят, летят года
...скажи, берёза “Кадиш” на могиле.

Отец, я не уехал без тебя,
Мы связаны с тобой незримой силой,
Одна у нас еврейская душа
и русская берёза над могилой.

1992

* * *

Пойдём покуролесим
по городам и весям;
по осени,
по проседи,
по памяти
той осени...

По памяти
по скошенной,
по памяти
разъятой,
По памяти
не прощенной,
по памяти
распятой...

По памяти прощения,
по памяти прощания,
что стелется, ложится
осеннею рябиною
на дорогие лица...

По памяти, по памяти,
туманами примятой,
что стелется, ложится
по чебрецам и мятam...

Вдвоём пойдём,
пройдём вдвоём
по осени, по просени
до золотистых просек...
А там, за пьяным лесом
по убранному полю,
что без конца, как море

до самой вышины:
— Напьюсь тишины...
Упьюсь тишины,
...и станут все обиды
ничтожны и смешны...

Ты не подашь и виду...

И надышавшись вволю,
по утреннему полю
пройдемся колесом...

Вернемся мы под вечер,
нас отутюжит ветер,
к своим уснувшим креслам,
какой уютный хлам;
к ваннам и клозетам,
и к утренним газетам,
к газетам — парусам.
И к книгам, в книжный храм.

А старый телевизор
с улыбкой Моны Лизы
войдет и скажет нам,
Что было воскресенье,
ну просто воскресение...
Последнее. Осеннее.

1975

БА ЗА Р

Базар. Володымерський базарь!

А годы ? Что за годы для базара!

Здесь было всё, и всё за деньги. Бесплатным было солнце, оно опустилось и жарило весь этот гудящий рой. Мальчишки вступили в заговор с солнцем: они торговали холодной водой. О! Сегодня был их день. В воздухе висело: “Каму во-о-ду хо-ол-одну?”

У покупателей, спекулянтов, воров в животах переливалась вода, а пить всё хотелось. Люди были липкими, словно намазанные подсолнечным маслом. А над базаром тянулось, ревело: ва-а-да-а-а хоалоонааа...

Зной! Зной, разомлев лежал вместе с извозчиками под пролётками, и матюки застряли в их пересохших глотках, не долетев до солнца. Ноги ныли, резина жгла ступни. А у кого не было башмаков, тот проклинал калёный булыжник, асфальт, песок и тот день, когда родился на свет, и Солнце. А оно, Светило, приняло в заговор ещё одного ветерана базара, отставного аптекаря. У него сегодня будет курица к обеду и пиво. “Где-бы ни был вааш мозоль. На па-альц и-и между пальц, на ступниах” — торчало, начиная со входа, и звало людей от воды к мозолину.

Омыв губы и намочив платки, они струились на его призыв. А он, как факир в грязно-белом халате раздавал пузырьки и собирал трёшки.

Мы, пацаны, не любили аптекаря. Воду он брал в долг, говоря, что мелочи нет. Так было и на этот раз. Поднесли воду. Он выпил, попросил ещё, в долг всё. Зачерпнул я воду и плеснул аптекарю прямо за пазуху. Почему так сделал? Не знаю. Не договаривались с Колькой. Колька — лоб, почти взрослый, ему одиннадцать, с ним на пару носили воду по базару.

Аптекарь, чертыхаясь, под смех людей расстегнул халат и начал отряхиваться, как мокрая курица. Я стоял в не-

скольких шагах и ничего не видел, кроме вывалившегося на майку мешочка. Потянулась рука и слабó. С криком “атас” Лоб рванул мешочек и нырнул в толпу. Я тихо слинял в сторону пивных ларьков, за спиной звенело опрокинутое ведро.

Никто не гнался.

Зной. Всё плавилось и млело. Зной.

“Ка-аму во-оду холо-оную...”

Сегодня — праздник: жрали досыта. Пацаны! Навались, пети-мети завелись.

Моё детство — колесо на проволоке.
Прокатилось по базарной площади.
Среди щёлочек глаз из-под чёлочек,
среди ванечек, среди колечек
вороватых, блатных парней.
Мат и матиков хмельных площадников
и загнанных лошадей.
Гей-гей, фье-фье, ей-ей...
Пе-е-ейте во-оду хол-ло-одную,
Пей! Не жалей копейку.
Делили поровну пайку голодную
в босоногой ребячьей семейке.
Что слаще хлеба со сладкой водой?

— Чур на всех!

— Картавая морда, чу-хр!..

Гуляли босая радость и смех.
Детство сорок шестого года.
Детство — жизни разбег.

ДИАЛОГ С МАТЕЬЮ

— Сынок, я вела тебя к доброте.

Мама, я не виноват. Я растерял её
на станциях утраченных надежд,
иллюзий, былой любви и нежности былой,
в гостиницах разлук и ожиданий,
на причалах радости и печали.

— Сынок!

Ма, я как все, я ничего... Исправлюсь.
Вырулю. Не беспокойся. Я ещё...

...Доброта тлела в тупиках совести,
стыла в душных салонах славы,
задыхалась в городах одиночества.

Ма-ма!..

Мой самолёт горит в полёте.

Всё зло и грязь души, и кожа горят. Ма,
дай руку мне, спаси. Я за тобой иду.
Прости...

Аэропорт Земля.
Аэропорт. Огни.
Уходят люди, словно корабли.
Кресты моторов. Тополя.
Аэропорт Земля.
Здесь вылет и прилёт, лишь два числа.
Одна строка, где тихо умирает суeta.
Но непременно в зале ожиданий
дежурит ложь под маской состраданья.

Ма, я всё ещё иду...
Через познание самого себя,
через признание,
через призвание...
— Сынок, путь к доброте лежит
через страданье...

1969

* * *

...Я прошлому не предъявляю иск.
там лунный лик, на солнца диск навис
и словно обелиск всё давит вниз...
О, время... Время — расточитель и стяжатель
игрок лихой, меняла
ловкий и лукавый,
мне ль о тебе жалеть?
Не ты ль меня так гнуло и мотало,
а я скрипел, как осевая жердь.

Мне ль о тебе жалеть...

От воронья и каркающих снобов
я ухожу. Всё начинаю снова.
В обличьи новом — весь в тебе,
будущее.

1968

* * *

*“Что хуже участи...
...Шататься с совестью больной.”
Вольфганг Гёте.*

Я — примитив,
и в этот мир,
весь до меня
пристрелянный
как тир
насквозь, —
я брошен был.
И в этот миф,
весь для меня
из пыли звёзд
и горьких слёз,
я брошен был.
...Курьёз...
Курьёз —
шаманит вороньё,
А я цежу — враньё.
Враньё, а коль
всерьёз, то
боль...
...Каналья!
В канале я
из бед и слёз
зову, молю:
...О, слабый лик
весны,
о, слабый блик
надежды...
молю, ору;
один я на юру
и всё, как прежде...

...Нет к берегам
и к людям зла.
Перегорело.
Всё — зола.
Что было — не было.
Нет края...
Любовь и дружба —
ложь святая.
Карай!
Карает...
Кто — прав, кто — виноват? —
нет ничего —
где рай, где ад?
есть только
стая,
что
врезалась
в закат .
Литая стая,
рассекая
закат,
тая́
и та́я
отлетает...
И где-то там,
на донце дня,
я осознал себя —
творца кольца
начала и конца...
Что проще
суеты в стократ:
взмахнул и врезался
в закат.

...Но Каин
многоликий ропщет
и сердце гложет,
превращая в камень,
сквозь время, сквозь века
Раскаяний больную совесть
отпустить.
не может.

1978

ПАМЯТИ РОДНЫХ И БЛИЗКИХ

...Беда стучится, и прозренья
нас озаряют в горький час.
И умирают подозренья,
и наполняешься презреньем
к тому, чем дорожил подчас.
...Несётся катафалк дороги,
и лип застыл почётный караул;
перекрывая двигателей гул,
твоё последнее прости
стучит в мои виски.
...И брови мостовых печальны и строги,
и тротуары льются траурными лентами,
года считают прожитыми летами.
цветы свежи и грезят летом,
устаи мёртвых тянутся к живым,
и завещанием твоим:
живые цветы — живым.

1970

БАЛЛАДА О ПЕПЛЕ

Поэма

Памяти Варшавского гетто

“Перед утренней молитвой следует сказать: принимаю на себя заповедь: “Люби ближнего своего, как самого себя,” и когда я произношу её, то думаю о тех, кто любил людей больше, чем самого себя — об Андрее Сахарове, Любавичском Ребе раби Менахеме М. Шнеерсоне, Рауле Валленберге, докторе Хавкине, Матери Терезе, Януше Корчаке и многих других.

Им посвящена “Баллада о пепле.”

Януш Корчак — Генрих Гольдшмит — писатель, просветитель, педагог, врач, автор повести “Король Матиуш Первый”, погибший в Трешлинке вместе со своими воспитанниками из “Дома сирот” в августе 1942 года, — мой плач, моя “Баллада о пепле”.

Шесть миллионов евреев, погибших в планетарной Катастрофе человеческой души, мои братья и сёстры, мои родственники и соседи, убитые в Бабьем Яре — о вас моя молитва.

*“Да вспомнит Г-сподь души,
которые были умерщвлены,
убиты, зарезаны, утоплены
и задушены.”*

“Изкор”

Там, в детстве,
режиссёры ставят сны,
и драматурги спят поэтому.
Там, в детстве,
осень гостя у весны,
прозаики становятся поэтами.
Там головой качают этажи,
и льются улицы
в распахнутые рамы.

Нас, взрослых, там
за ручку водят мамы
и не прощают лжи.
И не прощают лжи...
Там, посреди горящей ржи
остались павшие,
в глазах застывших
осколки неба на стерне,
и не прощают лжи,
и не прощают лжи вдвойне.
Там Януш Корчак —
сын человеческий
со знаменем Любви,
Поэзии и Детства
ведёт дорогой человечности.
Ещё из памяти, из вечности
звучат шаги и от укора
никуда не деться,
идёт,
ещё не став историей,

Идёт ...

Идёт в пасть крематория.

...Звучат шаги. Звучат шаги.

И вешний клён, подняв словно корону
крону, приветствует его: — Живи! Живи!..

Голоса

КОМЕНДАНТ: Я узнал: Вы из детства,
из “Приключений короля Матиуша”.
Мне читала покойная матушка...
оставайтесь осколком из детства.

КОРЧАК: А дети?

КОМЕНДАНТ: Должны идти.

КОРЧАК: Ошибаетесь. Не все подлецы!

ОХРАННИК: Цыц!.. Цы...

Скорей. Скорей.

ТЕНЬ КОРОЛЯ

МАТИУША—

МАЦЮСЯ: Отец!

КОРЧАК: Мацюсь!

МАЦЮСЬ: Отец! Я не хочу, чтоб ты погиб.

КОРЧАК: Сам не хочу, но чую смертный миг,
убитый крик,
он в землю, в небо,
в плиты влип.

МАЦЮСЬ: Живи. Возьми венец.
Я заменю тебя собой.

КОРЧАК: Постой.

МАЦЮСЬ: Зачем?!

КОРЧАК: Как после жить, сынок?
Больную совесть где нести,
во лбу или горсти?...

ОХРАННИК: Скорей. Скорей!

МАЦЮСЬ: Отец. Отец!

Это — конец.

КОРЧАК: Ты сделал всё, что мог.

МАЦЮСЬ: Зачем заглядывать в колодец снов.
В кольце веков искать начала.

КОРЧАК: Дитя, тобою окольцован,
в тебе все радости
и все печали.

МАЦЮСЬ: Отец! Отец.

КОРЧАК: Сынок, мы связаны с тобой,
Ты стал моей судьбой.

ОХРАННИК: Скорей, еврей.

КОРЧАК: Мацюсь, не плачь.
Пусть не увидит слёз палач.
...не написал я повести о том,
о чём напишет смерть
когда-нибудь потом.

МАЦЮСЬ: Отец, прости.

ОХРАННИК: Стоять не смей.

КОРЧАК: Конец пути.
Мацюсь! Король детей,
живи. Лети...

Звучат шаги. Застыли вдоль дороги.
Дорогу смерти охраняли доги
и крематория витки. Дорога уходила в небо.
И только пепел. Пепел. Пепел.
Крик тишины.
...И снились сны. Рождались дети
на этом, чёрном — Белом Свете
среди войны.
Евреи уходили в небо
и только пепел. Пепел. Пепел.
Боль тишины.

Не разорвалось сердце у Земли,
увы,
и воробьи чирикали чивы,
чивы.
...чьи вы лёвы?...чьи вы ривы?
детские лошадки с гривой
чивы — чьи вы? чивы — чьи вы?
Евреи в небо уходили,
и падал пепел
на чужие нивы,
и воробьи чирикали нелепо,
в двадцатом веке
евреи
уходили в небо.
В пепел.
Пепел.
Пепел.
И вспять не поворачивали реки.
Дверь крематория отбрасывала тень.
И длился день. Обычный день.
Рабочий день.

Плывут облака,
плывут в Никуда:
вот это — оркестр
из Варшавского гетто,
он в полном составе.
А это — хор мальчиков,
они все раздеты,
но им вовсе не холодно
и они не устали.

...А это... А это... а это
плывут, не старея, хасиды.
Глаза их распахнуты
и губы раскрыты.
...и льются молитвы,
и льются молитвы:
сам Рабби читает
узникам гетто,
что было когда-то
и сбудется где-то:
и Корчак, и дети —
все вместе. Все рядом.
И памяти свечи,
и свечи Миноры
плывут на рассвете,
и ветер листает
вечности Тору,
и льётся над всем
в мороз и капель:
— Шма, Исроель
— Шма, Исроель...
...Люди, взгляните,
как склонились доверчиво
васильки и незабудки —
дети — малютки
на плечи
уставшему вечеру,
на груди Земли,
на ладони твои и мои,
на ладони Корчака,
ставшие пеплом.

Люди, делитесь хлебом,
люди, делитесь небом
в память о тех,
кого век этот предал,
в память о тех,
кто плывёт облаками,
в память о тех,
чья молитва над нами,
в память о тех,
кто оставил свой смех
в шелесте трав и течении рек,
в память о тех
в мороз и капель,
в память о тех:
— Шма, Исроель...
— Шма, Исроель.

1977-1997

Я из ночи иду...

НОЧНЫЕ БРЕДЫ

Я из ночи
Иду.
Удираю от одиночества,
от обид,
чёрных мыслей,
созревших в беду.
Продираюсь,
проваливаясь бреду,
сквозь палочный строй своей совести.

...Быть может, я схожу с ума?
Быть может, это — начало конца —
или начало повести...

Разлилась предрассветная тьма,
Кровоточит рассветною ранью
бессонница,
(...мучительно тяжело без сна,
без совести, без солнца...),
бесстыжая распутница...
гонит тебя, милый и добрый сон,
в осеннюю ночь,
в распутицу.
И что ей,
что мается и стынет дрёма,
где-то далеко — далеко от дома...

Ночь. Прочь...
...Бессонница
разлеглась на простыни из страстей
и нервов,
разлилась на подушке из вен и артерий...
Что ей?... Она — сволочь!

...Бывало. Оно
вечно торчало
над моей головой, — Солнце.
Оно сторожило меня, а может и жило
у меня за окном, над диваном.
Странно.
Помнится, хоть было в далёком Давно.
Мама бывало: Вставай, уже
солнце устало...
Бездельник.
Ленивец,
Сон —
нелепый спутник детских лет,
где ты? Отзовись...
...поглоти ирреальностью мира, -
верх — низ, вверх — вниз
...льётся в эфире
“Каприз”, Поганини...,

где ты? Тебя нет. Нет....
(Стон) — Канул в Лету.
...и тянутся, вытягиваясь на лету, —
развязанных мыслей ленты:
о жизни, о поисках смысла и... и... и...
и... — ударяются в лунную колонну неба.

Пересыхает горло... Язык прирастает к небу.

...Сон нехотя натянул грязную робу,
зевнул, выглянул в окно..
Плюнул.
Ночь. Темно.
Бессонница.

...А там, далеко-далеко,
Солнце стояло высоко-высоко,
вливая тепло, радость, надежду. А ты, Сон,
торчал в моей голове, путался в траве волос
и никак не хотел уходить...

Светает...

Тени — прочь! Верь иль не верь!

Я — поэт! Дню открываю дверь.

Да здравствует день.

Растворяюсь в его суете.

Да здравствует суета!

...а на столе —

застывший сгусток крови,

кусочек шагреневой кожи,

тень бессонницы —

страница,

оставленная поэтом.

Светает...

Хорошее дело Начало дня.

Хорошо дожить до рассвета,

Поэт.

... ..

Ты из ночи, сквозь плечи лет

тащишь огненный шар,

тянешь шарф голубой в Рассвет.

1970

* * *

Мне снилась мелодия
апрельского утра,
я слышал её, поверь,
где не было утрат
и не было потерь,
где не надо торопиться,
наговориться, наглядеться.
Детство —
куда его деть
и куда ему деться.
Сон отлетел. Где — я?
Осталась мелодия,
Звучит высоко-высоко
дзень-дзень.
Вселенское око
вываливается.
Зрит день,
Реет.
Звучит мелодия.
Поднимается тень.
День отлетел.
Груда брошенных дел
распалась на:
“сделал” и “что хотел”.

Смеркается.
Темнеют лица
домов, чернеет
морщинами улица,
Ночь владеет.
И льются слёзы
радости и печали.
Льётся мелодия.
Нет ни домов,
ни улиц, ни лиц,
Так, изначально
печаль рождается
в радости...
И радость угасает
в печали.
Где — они? Близкие мои,
Родные.
Светят огни.
В ночи. Звёзды одни,
там — они...
Звучит мелодия.
...Где — я?

1972

Я — распластан,
раздавлен, разъят,
в многолюдной Москве
мне некуда деться...
О, дочурка моя, сохрани ты меня и пусти
в свои пять, пусти в своё детство:
с голубыми глазами и яркими лентами,
с голубыми мечтами и красными летами...
Сохрани в своём детстве меня и прости...
Погружаюсь, вчитываюсь в "Книгу книг,"
ищу мысли.
Врезаюсь, врубываюсь в жизнь в поисках
смысла
Я словно всадник без коня
иль что-то в этом роде
и мчится мимо жизнь звеня,
Эх, где вы, кони, кони?

Кто — я, что надо мне — коня?!
Годрождения тридцать седьмого...
годен, годен, годен.
Карабкаюсь, за жизнь цепляюсь,
только бы вылюдеть,
Только не вылутеть,
вылюбить.
выстрадать,
только бы вылететь, подняться,
не вознестись,
а взлететь
и не пасть
в открытую пошлую пасть,
разверстую на версту.
Человеком остаться,
вот так бы и вз-з-зжить, братцы.

1968

...Сложилось так, что песни улиц, объятия фонарей, мне ближе, чем сонет Шекспира. Температура. Бред. Куда я снова влез?

Душа зависла между там и здесь.
Ночь проглотила день.
У огненной моей купели Тень.
Бред. Стон. Франсуа Вийон.
Стихи... и белый снег, и синий иней гасили жар.
У изголовья головешки тлели. Сон.

Поэту Франсуа Вийону — моя баллада.

Франсуа Монкорбье родился в Париже в 1431 году среди войны, голода и нищеты...

...там, во времени, катилось моё детство по войне с глазами нищеты и голода.

Франсуа был усыновлён священником Вийоном. Лиценциант и магистр искусств, закончивший Сорбонну, Франсуа Вийон, мог преподавать или занимать должность клерка. Но жизнь распорядилась по-своему и он занял место среди грабителей и убийц.

...друзья моего детства сгнили в тюрьмах: они были умелыми ворами и смелыми грабителями.

Его поэзии внимали короли и бродяги, властительные процессы и уличные проститутки.

...блатные песни моего двора пели зеки от Севера до Сахалина.

И если вспоминают о королях, вельможах, событиях того времени, то говорят: это происходило во времена поэта Франсуа Вийона. Его слово, его любовь пришли к людям из цинизма, сарказма и нелюбви к самому себе.

Стихи, сложенные Франсуа Вийоном, в ожидании казни:

Я — Франсуа, чему не рад!
Увы, ждёт смерть злодея.
И сколько весит этот зад
Узнает скоро шея.

Перевод Ильи Эренбурга

...ты близок мне вне времени: по детству, по войне, по голоду, по нищете; тебе — мотать в тюрьме, а мне — гулять на воле сложилось так по доле.

Тебе — стать гением Земли, а мне — читать стихи твои, искать ответ и слушать, слушать, шелест лет, пока снега не замели.

БАЛЛАДА
в которой автор
разговаривает с тенью
Франсуа Вийона

...О, Франсуа, прости... ты пришёл,
а я болен.

На улице мороз, а я в жару.

Какой курьёз?!

О, Франсуа, прости... Не волен.

(Сон. Бред. Болен)

“Но... где прошлогодний снег?”

1.

Всё перепуталось наспех

XV — XX век

...Пойми, где — праведность?

где — грех?

Б-г весть,

Б-г — бег!...

Годы

пьют воду

тех же рек...

Всё те же

лица, те же рожи.

И тот же

смех,

И тот же

раж,

Всё выше — бред,

Всё ниже — бег,

А посредине — блажь.

О, Франсуа!
Любимый Франсуа, поверь!
...Быть может, знаешь ты теперь,
где прошлогодний снег?

11.

Я вглядываюсь в жизнь твою
твою петлю...

Изгнание.

*“...беря во внимание жизнь вышеуказанного
Вийона, суд пересматривает дело и смертный
приговор заменяет изгнанием из Парижского
графства.”*

*Протокол суда
5 января 1463 года*

...Через три дня, совсем угнетённый, больной,
без копейки денег Франсуа Вийон покидает
Париж и след его пропадает.

Изгнание?

...Нет!
Не изгнание —
побег в вечность.

Твоя судьба
из всех стихий:
страдания,
страсти,
безнадёг —
в стихи...
Стихи, по сути —
судьбы...

Я Время призываю в судьи.
Свет — свят... Все спят.
О, Время, вспять,
Катни...
Переиграй по-новой:
стакан вина
для Франсуа
Вийона,
а заодно: дворцы, поместья, зданья,
Блюстителям морали и закона
отдай его страданья...

Тень усмехнулась:

тогда бы просто не было Вийона...
А за вино
Спасибо. Гоже.
(Мороз по коже)
...Я выглянул в окно —
Рассвет край ночи гложет...

Тень, отдаляясь начала расти.

— Вийон?!

Прости...

Быть может, что не так, прости

В том не моя вина, поверь

Но всё же, — где прошлогодний снег?

Проверь...

Тень:

Прощай,
О, S'est la Vie, за всё плати.
и пусть тебе поможет бег,
ты любопытен мне, на грех.
Земля —
Начало и Конец пути,
всего и всех;
и первый, и последний снег
минувших зим ушедших лет истлел...
— Их след?

Тень:

Исчез...
Он, уходя рассыпал смех...
Рассвет
вошёл и повернул сюжет...

1973

ПАМЯТИ МАСТЕРА

Закат алел. Мечтал — взлетел.
Над грудой плотных потных тел.
Сквозь суету борделей и соборов.
Над всем, что сделать не успел,
Сквозь боль и стон забытых дел,
Сквозь немоту восторгов и позоров.

Летел свободный от веков,
Летел в объятьях облаков.
Летел, шалел от радости полёта.
Хор умников и простаков,
Хмелел от собственных басов,
Орал хорал: “Как он любил кого-то!”

Летел, и вдруг услышал крик;
Душою сник, увидев лик
Покинутых, обманутых берёз,
Возненавидев смерть и жизнь,
Он стропы грёз, как вены грыз,
Пока не сбросил глыбу тела вниз.

Упал. И в миг к земле приник,
И чу, — заговорил родник:
(Сдавил комок давно забытых слёз)
— Не всем дано коснуться грёз,
Услышать зов родимых гнёзд,
Увидеть свет холодный дальних звёзд.

Остановись и оглянись,
Ты видел верх. Изведал низ.
Был миг любви — жизнь прожита не зря.
Остановись. Слезой омой
Свой отчий дом, свой кров родной.
Здесь твой покой. И здесь твоя земля.

1980

ПАМЯТИ УШЕДШЕГО...

“...ты — поэт” — она сказала.

Ты — поэт,
от кухонных столов и фонарных столбов,
для районных психушек...
От ночных кабаков и залётных подушек,
ты — поэт криминально-портовых козлов.
...всё, что мог проиграл, пока жил.
И года,
за оплату долгов заложив,
ты удрал
в ирреальность писсуарных стволов.
От реальности быдла. От житейских основ.
Вот и всё:
нет реальности большей ирреальности снов.

Ты — лунатик,
окно в горизонт отворив, ты всех обоссал,
хотя рядом мотались причал и вокзал,
и ты запросто мог
разменять ленинградский туман
на лондонский смог.
Что теперь говорить?
Огород городить.
Ты просто устал. Занемог. Или это — мятеж?
Твой протест против грешных, святых,
против мёртвых, живых, против всех,
против нас...
— Кушай. Ешь!
Ты попал: плюнул прямо в сей час.

Ты — поэт от Луны и для теней,
что остались в родимой земле.
Ты летаешь туда и сюда на зелёной метле,
вертеле...
Верь тебе!?

Ты — поэт... Я — оса. Твоя бывшая блядь.
Как больнее ужалить тебя? Как достать?
Уберечь. Удержать. Целовать
слабака и гиганта, чистоплюя и арестанта?
Моё маленькое дитя.
Я ль тебя не лелеяла? Я ль тебя не водила
по вертепам и медицинским светилам?
Свои песни дарил ты другим. Я их пела.
Это — песни мои. Я стирала твои портки.
Я тебя отмывала, на себе из пивных
и борделей таскала. Что ж? Классик нынче
ужо ты большой и тебя величают
по отчеству.
Монографии пишут о твоём —
нашем творчестве.
Я тебя сотворила, издала в переплёте
кленовом, в издательстве “Море”.

Ты — поэт... Ты — остался в полёте...
В чём беда?!..
Нет, любимый, тебя на земле.
На планете Земля я — одна.
Нет тебя. Ты — любовь моя.
Моё — горе.

1996

* * *

Ваше Одиночество,
когда вас предали друзья,
то пожелайте им удачи.
Простите всё. Нельзя иначе,
когда вас предали любя!
Сбылось пророчество.
Пришли друзья.
А вы в могиле...
Они расстроились.
Налили. Выпили.
Опомнились.
Допили.
Горька предательства слеза,
быть может, видите издалека
какие у предательства глаза,
Ваше Высочество?
...Забыли имя. Забыли отчество.

1996

...По театру, Судьбе
Подельники,
вы отпейте с моё,
Отлюбите. Отплачьте.
Отыграйте с моё
вы на флейте
актёрской удачи.
Я отвечу за всё
на Всевышнем Суде,
на Всевышнем.
Не суди... Не судите
меня на Земле
суетою излишней.
По жизни, по сцене
Подельнички,
отжмурите меня
в понедельникек,
когда солнце
по крышам московским
покатит,
отжмури... Отжмурите меня
на закате.
Положите
мой прах
к изголовью
между ненавистью
и любовью.
Под правдой,
под ложью,
где тень я —
преступления,
воскресения...

... положите
мой плач
к изголовью...

Наши дети —
это наши судьбы.
Они стоят
над смыслом
и над сутью.
Они стоят
над болью
и любовью...
к изголовью
мой прах.
к изголовью...

1993

*Памяти Петра Петровича
Киселёва, народного артиста
УССР, профессора.*

Бездежья, деянья,
долги, даянья,
зло, благодеянья —
всё спуталось
в осеннем увяданьи...
В суете,
в уродливости и красоте,
в жестокости и ласке
смешались краски.
Как будто смерть
и новое дыхание
сошлись
в единой пляске
мироздания —
увяданьи.
В снах вёсен
мачты, вёсла,
паруса
твоей мечты,
моей мечты
упрятаны
в осеннем увяданьи.
Забытых вёсен
дом из просини
стоит на просеке
твоей любви —
моей любви,

...в созвездиях рябин —
израненные гроздьи,
твоей вины —
моей вины,
в осеннем увяданьи...
На листьях...
На ладонях клёнов
твои пути,
мои пути
застыли в ожиданьи —
увяданьи...
Осиянная,
Осенняя пора,
из крепости твоей,
из кротости моей,
не долголетия прошу,
не подаянья...
молю тебя,
прошу тебя,
неувяданья.

Неувядания.

1968

...из Евпатории, где находился с вещами...

ПИСЬМО ЖЕНЕ

...Здравствуй, Люба...

... ..

*Передо мной ребро вопроса:
выбрать меньшее из зол —
мысль о тебе
или зубную боль...*

Семён Кирсанов

*...Передо мной вопрос —
сложней и уже:
быть иль не быть
твоим мужем,
вязать иль разрубить
семьи гордиев узел...*

*...Некстати рифмы начали свой кросс:
— среди семейных бурь и гроз
ребёнок рос...*

*...Нет, это всё — не то, не то!
Сейчас ты просто — далеко,
Ты унесла своё тепло...
И спор нелепый, и упрёк неожиданный,
и я брожу, как окаянный,
и не могу себе помочь...
...Ночь...*

Средь тысяч губ
я смог бы твои
губы отыскать...

... ..

...уж так и быть: ругай меня, губи,
кляни свою судьбу, увы.
Всё вынесу... Но только —
скорее приезжай!.. Приди, молю,
если любви осталась долька;
поверь: солёно море от моей тоски солёной
и волны от тоски ещё зелёней... проверь,
и прислонись к воде губами;
глянь, камни поросли зелёными грибами;
приди, приди, коль хочешь мне помочь.
приди, приди, пока не стала ночь.
Передо мной вопроса нет давно,
мне тяжело, когда ты — далеко.
Приемлю я любое зло и боль
Люблю тебя, люблю, моя ЛЮБОЛЬ.

1967

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ

Третий год семейной жизни:

...живут же люди: и дом, и дача, и все им должны, и в семье всё путём...

Тридцать лет спустя:

...жаль людей, у которых не было встреч после расставаний, не было расстояний, не было прощаний, не было Любви.

СТРАНИЦЫ ЛЕТ

4. Женщина — это море.
В море паруса Грина.

5. Женщине — нужен ветер.
Чтобы она говорила.

7. Женщина — это звёзды.
Звёзды — всему начало.

11. Женщине — нужен веер.
Чтобы она молчала.

14. Женщина — это песня.
Песне — нужна лира.

18. Женщине — просто дети:
лицо, глаза мира.

28. Женщина — это поле.
Поле — всего основа.

36. Женщина — это доля.
Где всё начинается снова.

54. Женщина — это Земля.
В нежных ладонях неба.

72. ...женщина — это жизнь...
Жизнь без любви — нелепа,
Без женщины жизнь — пепел.
...и слышится детский лепет...
Женщина жизнь лепит
из плена, из пепла, из тлена.

1986

ДОЧЕНЬКА

Ты идёшь по лестнице —
в жизнь,

Я иду по лестнице —
вниз.

Ты идёшь по лестнице —
вверх.

Я иду по лестнице —
в бред.

Ты идёшь по лестнице —
в свет.

Я иду, я иду, а лестницы —
...нет...

Ни к чему ворошить сор,
завершается вечный спор,
разрешается жизнью спор.
Вот и весь разговор.

...Посидим ноченьку
визави,
Ты детей, доченька,
не зови.

Ты себя, доченька,
ты себя, доча,
(Ой, да нэнэ... нэнэ. нэнэ, ни...)

Вспомнишь ноченьку,
Помяни.

На себя принимаю грех.

Прости, Г-споди.

Прости, Г-споди
грешных всех.

1992

* * *

Г-споди?!..

Сколько душа должна выстрадать,
чтоб мужа любимого выставить?

Спи, моя доченька, спи...

Сколько жена должна выстрадать,
вытерпеть и не высказать.

Выплакать, выболеть, выстоять..

Сколько, Г-споди?..

1987-1997

...Читая гениев, чувствуешь, через какие испытания они прошли, и если Судьбе было угодно провести их через эти истязания чтобы они явили миру боль и радость великой души, то не грех ли это — дотошно ковыряться в пороках и слабостях ушедшей вместе с ними жизни.

Они, великие, вошли в мою жизнь. Они всегда рядом.

...грех ворошить
грязь больных простыней,
след размытых страстей
тех бессонниц чужих —
не дано ворошить.
...Не дано ворошить,
снег давно ворожит,
день и ночь сторожит
отгоревшую жизнь;
сень таинственной сини —
не дано ворошить.

Тень изломанных линий
ледяных белых лилий,
на могильных оградах
лепит вечности иней
не дано ворошить...

...Валит снег на гранит,
на погосты косые,
бережёт и хранит
честь и гордость России.
Снег кружит, снег кружит
сны и тайны чужие.
Снег кружит. Ворожит.
Тишину сторожит.

1997

ПАМЯТИ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

Выплывает силуэт из лет.
Облако плывёт. Светает.
Цветаева Марина — свет
души моей проплывает
надо мной. Святая!
Отцветает осень. Отцветает.
Листопад стихи твои листает.
Ты — в морской волне,
Ты — в лебединой стае,
Облако моё, осень седая.

Отцветает осень. Отцветает.
Видишь ли, я вовсе не святая.
Я хотела заслонить собой
сына моего, что шёл на бой.

Крюк — луна. Елабуга — петля.
На меня грехи. На меня.
За тебя мой сын. За себя.
Ой, туга Елабуги петля.
Думала, что искуплю вину,
проведу живым через войну.

Не услышал Б-г мои молитвы,
не вернулся мой сыночек из битвы.
И теперь мы в лебединой стае.
Не святая я... Не святая...

Выплывает силуэт из лет.
Облако плывёт. Светает.
Цветаева Марина — свет
души моей проплывает
надо мной... Святая.

ИМПРОВИЗАЦИЯ

“Афиши, афиши”

А. Чак.

Афиши — шальные, крикливые, птицы,
спустившиеся на стены и крыши,
моего города.

...лестницы детства... Губы девчонки,
учившей меня целоваться
в последнем ряду кинозала.

Она и не знала, что через десять лет
её имя будет греметь со всех афиш
нашего города и улицы
будут целовать её — глазами.

Афиши, афиши, афиши — красные, жёлтые,
синие. Дожди, заглядевшись, стынут,
врезаются в козырёк стены и удивлённые
стекают, словно ладони любимой
по моему лицу.

Афиши... Афиши — женщины.
Отдаются расклейщику, торопливо
растягиваясь и — распластавшись веером —
улице, городу, ветру...
и умирают без стога, влюблённые
в смуглые руки расклейщика
и солнце глаз человеческих.
Или, сорвавшись,
мчатся по улицам, скверам,
льнут к стенам, липнут к заборам,
клеятся к прохожим, надеются
опереться.
Подняться.
А люди

проходят мимо, не помня, что ещё вчера
любовались стройными литыми
лодыжками литер.
...Старая афиша...
Старая афиша. Проехал
грузовик и уставшие ноги вытер.

Афиши, Афиши! Путевые огни, язык
площадей и глаза шоссе, арии бульваров
и песни улиц, — пульс и дыхание города.
Афиши,
афиши,
афиши
смелые мазки,
капризы линии и цвета — воспалённые,
расклеенные мозги
художников и поэтов.

...мосты через реку времени,
к признаным и не признанным гениям,
к самому себе, к обновлению,
к чувствам...

...мечты тех, кого время предало
и продало.
И они! Словно снега падают
на склонённые головы.

Афиши — кровавые заплаты на запретах,
запорах, колючих заборах,
спинах десятилетий.

Афиши...
И люди гасят долги
невежества и косности.

1967

ВСТРЕЧА

Иосифу Бродскому.

...по еврейской традиции, пока умерший не предан земле, к нему обращаются, словно он живой.

...Жизнь, брызги одиночеством ночи,
многообразием дня и прочим,
чем не загрызли любя и казня.
Выйди лесною чащей,
плачущей словно дитя,
кликни эхом, летящим
из вечности бытия.
Не гони, Иосиф!
Не гони...
Просто сердце болит
от потерь, от обид,
от осколков, что жизни уносят.
Катят годы,
а Вечная Девушка косит —
Иосиф, оглянись — Отлетела весна.
Погляди, есть красивая осень.
Погоди, сохрани тот глоток,
что остался от сна,
досмотри среди дня: это — осень.
Выпей чашу любви,
признанья,
призванья судьбы,
сын Невы,
перелесков, осин.
Это осень твоя
тебя просит, Иосиф...

Жизнь,
брызги одиночеством ночи,
многообразием дня!

И прочим, —
чем не загрызли, любя
и казня.
Выйди
лесною чащей,
плачущей
словно дитя.
Кликни души, летящие
из небытия, из небытия.
...Из небытия...

*“Тонущий город... в плеске зеркал”.
“Лагуна,” Иосиф Бродский.*

Венеция.
Какое красивое слово. Словно песня.
Звучит. Не кончается.
Гений в Венецию возвращается.
Венеция,
он лелеял твои колени.
Воспел песней нетленной
тебя, Венеция.
И зачарованные нимфы
листают сны —
твои стихи.
И только каменные грифы
хранят их стон
у дальних рифов,
где бродят мифы
у окон твоих, Венеция.
Он повенчан с тобою словом.
Он вернулся к тебе с уловом,
Навсегда, Венеция.
Венеция.
Ты — на челе его венец,
всему начало и конец —
Венеция...

...Вот и всё. Цепи разбив,
Васильевский остров
вплывает в Венецианский залив.
Там, на родине, волк завыл...
Небо ударилось парусом синим
в невскую стынь.
Уходит в Венецию поэт России.
Иноходец. Сын нелюбимый.
И печали нет. И горя нет.
Есть вопрос. Есть ответ.
Для российских признанных гениев
на Родине места нет.
Вот и всё.
Так заведено на Руси —
свои гении не в чести.

Венеция,
прими Иосифа. Он вернулся.
Навсегда.
Иосиф,
не тревожит тебя уже осень.
И архангельских сосен стон
не нарушит твой сон.
Сын Невы. Перелесков. Осин...
жизнь свою на кресте распял
из вселенской ненависти и любви.
И глядят из осенней листвы
глаза голубые твои.

Ave Maria,
Ave Maria,
Ave Maria.

*“Значит, нету разлук.
Существует громадная встреча.”*
Иосиф Бродский.

* * *

Я остаюсь среди людей,
детей и внуков.
Я остаюсь в сердцах друзей.
в словах и звуках.
Я остаюсь среди дорог,
где жили — были,
былых надежд, былых тревог,
частицей пыли.
Я остаюсь среди полей
в подлунном мареве.
Среди лесов, среди садов,
в осеннем зареве.
Я прихожу к тебе весной
в белой кипени.
Я над твоею сединой —
сиренью белой...
Я над тобой, я над Землёй
в закате дня.
Вот тень крыла,
за все — сбылось
и не сбылось,
прости меня, прости себя.
Я остаюсь в твоей любви,
где сны твои — там сны мои...
Я остаюсь.
Я остаюсь.
Я остаюсь.

1988

НЕНАСТЬЕ

Ненастье...
Разбилась зависть.
И сразу наступило
счастье.
И солнце засветило
ярко,
Но тучи затянули
небо,
как будто
ничего
и не было.

...осколки зависти
остались,
и радости
не состоялись.

1993

* * *

О, крики совести
утерянных дорог
от васильков до
космоколоколен,
простите нас, кто
волен иль не волен,
прости клён отчий
и родной порог...
Оставив суету
в излучине тревог,
Надежды
в ожидания упрятав,
рванулись мы,
но тысяча пиратов
нас не пустили в детство
на порог.
...Пусть лепит
нашу жизнь
слепой нелепый
дождь,
клепает
меты бед и лет
в седины.
Ещё не спета
песня лебединая,
Веди нас в отчий дом
сыновий долг.

1978

* * *

На кладбище приходят сыновья,
задумавшись, глядя в себя
стоят,
Как будто в детстве,
виновато голову склоня,
пред матерью стоят...
Прощенья просят, плачут, говорят.
Воспоминаний кружит снегопад,
и столбики кладбищенских оград
соединяют бесконечный ряд...

— Не виноват,
Сложилось так... Не приезжал, работа.
Да, не писал,
Да, не о чём писать. Семья, Дела, Заботы.

Не виноват, пойми, не виноват...
Вдруг вздрогнул.
Мёртвые не могут понимать —
Мужские слёзы прорывают гать —
не могут понимать,
Не могут понимать...

Неистово себя за прошлое казня,
на кладбище приходят сыновья.
— Прости, прости, я виноват —
искусанные губы говорят...
И только матери молчат.

Подруга — осень
листья в окна
носит.
Мать писем ждёт
и просит, просит

паука
на скатерть белую
спуститься...
Должно, к письму
наведалась синица...
Ночами длинными
всё чаще старший
снится...
Всё к одному:
Письма, письма — а...
А поутру —
ты так ждала —
осенний лист
по-прежнему стучится.
Крепится мать,
хоть поет поясница.
На почту собралась,
чтоб выяснять.
Дверь отворила
и с сожаленьем
руки развела:
перильце отвалилось
от крыльца...
Не забывайте,
приезжайте сыновья...
Не забывайте,
Не за-бы-вай-те!..

Года идут,
идут года.
На кладбище
приходят
сыновья...

1968

* * *

Надеешься, что взятки гладки,
век без оглядки, в суете.

Всё.

Чтоб не выйти из десятки:
слова — не те, дела — не те...

И год за годом
ловчишь пред Б-гом,
и лишь душа уходит в пятки,
когда ты с Ним играешь в прятки.

1993

СОВЕСТЬ

...Распяты улицы на перекрёстках,
и шар земной распят на звёздах.
и человек на совести своей распят,
кресты антенн вопят: — не виноват.
Не вино — ват.

Ложь не спасёт и не поможет плач,
ты — сам себе судья и сам палач.
Ты — сам.

— Не виноват! Тысячелетья спят,
как будто дети.

Я не желаю быть за всё в ответе.
О, Небо, Небо.

Зря Небо не зови.

— Не виноват...

Всё Небо за июньские дожди
распяли сентябри и журавли.

— Не винова...

О, Человек, покуда я жива,
Храни и береги меня,
храня.

1970

КАМЕНЬ В БЛИЖНЕГО

И сказал Г-сподь Каину:

*7. Ведь если клонишься к добру,
то терпеть тебе, если же не кло-
нишься к добру, то у двери грех
лежит, и к тебе влечение его.*

Бытие III–IV

В азарте
бросил камень —
разбился день —
попал случайно.
...и улыбнулся Каин.

А завтра
уносит осень
мою тень —
за грех нечаянный.
...и снова улыбнулся Каин.

За мною водятся грехи,
за мною гонятся грехи,
от первого "прости"
к последнему "прости".

1997

* * *

Я жду стихов —
ни день, ни два, — а годы.
Я жду стихов,
как штурман ждёт погоды,
как сеятель дождя,
как женщина дитя
Я жду стихов. Стихи родятся у меня.
Жди — жди!.. — вдруг пронеслось
насмешливо и зло,
и... понесло, и повело
А я... я жду
и слушаю траву,
и за руку ведёт меня дорога...
Злой наговор меня не трогает.
Я жду...
Стихи
Родятся
у меня.
Я жду...

1969

* * *

По росам... По звёздам,
стекающим в гроздь
лозы.

От жизни,
от жизненной прозы,
Ушёл...

От устроенности
стихов,
в эту музыку
снов,

в лунный шёлк
околдованных
слов,

зачарованный шёл
в лёте лет.

Их давно уже нет...

Лунный свет.

Лунный цвет —
это — осени след,
это — песни мои
на ладонях Земли.

1998

* * *

Судьба меня не баловала славой,
Стекали дни весны водою талой.
Пришли седые радости, печали.
Пришла пора прощений и прощаний.
Ах, если бы начать всю жизнь сначала,
Быть может, и добрался до причала.
И, может быть, оборванные струны
Не мёрзли бы на площади Фортуны.
Умчались вёсны — стали дни годами,
Их не догнать залётными ветрами.

Пришли седые радости, печали,
Пришла пора Прощений и Прощаний.

1972

ПОЗДНИЕ ДЕТИ

Пусть говорят, что дети поздние
подарок не весны, а осени.
Но среди зим и ранних вёсен
они, как гул зелёных сосен.
Садится солнце плавно за реку,
отдав тепло своё лесам.
А я беру сынишку за руку
и в детство убегая сам.
Звенит апрель в осенней просини,
когда со мной сынишка мой
листвою шелестит по просеке
и ловит солнышко над головой.
Зачем заглядывать в колодец снов,
в кольцо веков искать начала?
Моё дитя — в тебе мир вечно нов,
в тебе все радости и все печали.
Пусть говорят, что дети поздние
подарок не весны, а осени.
Но глаза два — два голубых оконца
глядят и лепят мир из солнца.

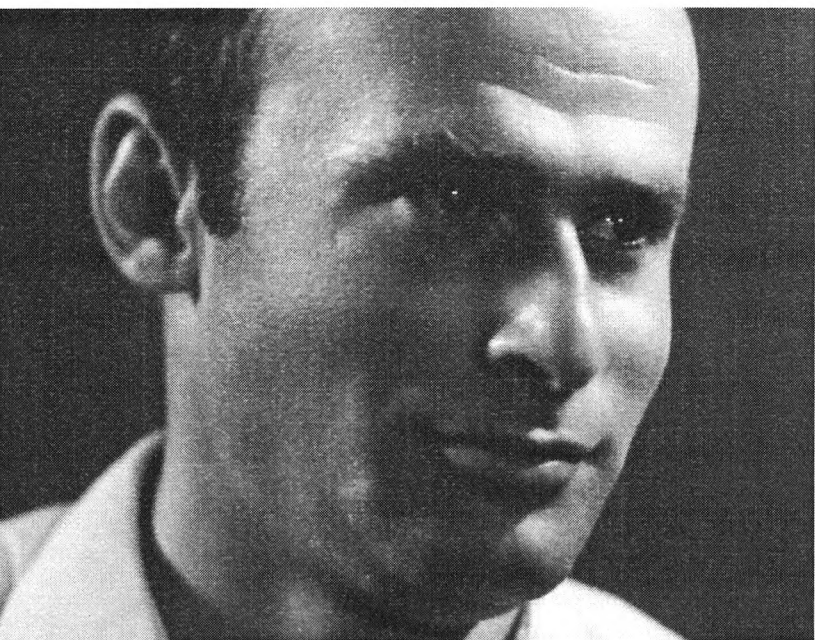
1972

ПОКАЯНИЕ

...Меня покинули стихи.
Спит на столе остывший чай,
Меня покинули мечты.
И села у окна печаль.
Меня покинули друзья,
Храни их Г-споди. Храни!
Меня покинули враги.
И некому похоронить.
Всевышний, в чём моя вина?
Плывут по небу письма
и вдаль уносят облака:
“Нас разбросали времена.”
Нас разбросали времена
по континентам.
И растерялись стремяна
на свете этом...
Всё в прошлом.
Там, где отчий край,
Всё в прошлом.
Сам и отвечай!
За этот ад, за этот рай.

...Меня покинули стихи...
Спит на столе остывший чай...

1992

к Натали

* * *

Натали,
Я — путник. Ты — родник,
Я жаждою томим.
Всего глоток один
на жар моих седин.
О, дар судьбы — родник,
всего один глоток.
Сколь светел этот мир,
столь этот миг высок.
В созвездии дорог
утерян древний миф,
Всего один глоток —
для счастья двоих.
Сколь сладок жизни цвет,
столь горек её мёд.
Благодарю рассвет
за голубой глоток.
...Начало иль итог
над бездною виток?
Глоток! Глоток... Глоток,
глоток... глоток... глоток...
...исчислены все дни
во времени пути..
Напои, Натали, напои.

* * *

Натали,
приходи
в мои сны.
Приходи,
на исходе луны,
на изломе весны.
Приходи.
Посидим,
помолчим

about the fact
that I want you
у вечности
на краю,
и о верности
помолчим...
Натали, Натали,
накати
волной волос,
Натали.
Накати
волною грёз,
Накати
волной хмельной
слёз
восторга и любви,
льются ладони твои,
льются ладони твои...
Напои, Натали. Напои.

* * *

Натали,
потеряешься ты
в суете,
в серебре седины,
сером бреде,
объедках удачи.
Потеряешься ты
в сентябре,
ноябре, декабре.
В жизни
не бывает иначе,
не бывает...
...жизнь,
как жизнь,
убивает горячих

коней, ничьих,
зрячих.
Убывает.
Убывает без сдачи,
Иначе?!
Увы, не бывает
иначе...
А над всем —
в семь,
Всем! Шопен
и слова,
пустые слова.
Нем.
...Так лети,
лети, лети
на последний снег,
на талый
грех Натальин,
смех Натальин
алый...
...От зари до зари...
льются ладони твои.
льются ладони твои...
Напои, Натали, напои...

* * *

Натали,
снова,
снова я
в твоём городе.
И Нева,
и Нева
та же вроде бы...
Только нет тебя,
Натали.
Я ищу. Я ору

в Никуда,
в не Зови,
в не Люби.
В Никогда...
Натали... Натали,
Я молю у судьбы,
я молю у Невы,
Оглянись,
Отзовись,
Озовись.
Я молю облака,
уходящие в высь синевы —
глаз твоих синевы —
удержись, Натали
на вселенском пиру,
на вселенском юру,
на кругу удержись.
...Я молю любовницу-жизнь
удержись, Натали,
на краю.
Вечный путаник
лунных снов
и подлунных оков,
Вечный спутник
ирреальных миров,
молю,
у конца и начала пути —
напои, Натали. Напои.

* * *

Натали,
Листья сентября,
Листья сентября,
Не вини меня,
Не казни себя.
Осень за окном,

Осень за окном.
Мы с тобой вдвоём,
Мы с тобой поём:
Листья сентября,
 Листья сентября.
Я люблю тебя,
 Я люблю тебя.
...Осень, Натали...
 Сердца не томи.
Летом напои.
 Светом!.. Напои!..
Осень за окном,
 Нам не быть вдвоём,
Не гореть огнём,
 Не согреть теплом
 листья сентября...

Листья сентября...
Листья сентября,
Это — ты и я,
Это — ты и я...
Листья сентября,
Листья сентября,
Эхо — ты и я,
Эхо — ты и я...
Листья сентября,
Листья сентября...

* * *

Натали,
Я не смею
тебе звонить,
не имею
на это права.
Но орава
шалых страстей

манит слева
и гонит справа.
Я не должен
тебе звонить —
нить не свить
в паутину. Забаву.
Разве белые беды
былых крепостей
убывают,
не сея отраву...

Лебедь белая
тайных страстей,
леди первая
на балу скоростей,
среди незваных
гостей
в крепе чёрном
больных новостей
летает.
...душа — вишня вешняя,
между Б-гом
и чертом витает...
Свет таает...
Лебедь белая,
Святая. Грешная. Вещая.
Умирает.
Светает.
...сны сбываются
бабьим летом...
Напои, Натали
лунным светом,
на рассвете
я песни пою...
Напои, Натали,
я молю...

1988–1989

* * *

Натали,
тебе пою
осанну
Атлантики,
где Солнце,
словно крик “Ура!”
ныряет
в нежность океана;
здесь,
у небесного экрана,
таится ночь
и льётся
песня любви —
тебе осанна
у Вечности на краю:
Напои, Натали. Напои...
(в аду иль раю)
...напои,
Натали...
Напои, Натали...

1998

* * *

Собираете что?!

Фарфор?..

Стекло?..

Фаянс?!..

— Собираю аванс!

Каждого двадцать восьмого.

Вы улыбаетесь? Не вижу смешного.

Что собираете вы?

Картины. Ковры. Цветы?

Я собираю слова...

— Оввва!

Странно весьма, увы.

Петербургский российский романс.

Ренессанс...

Ветер,

Вечер.

Невский Проспект —

выстрел в вечность...

Свечи...

Разлуки и встречи

Смерти кураж...

Экипаж. Вернисаж. Эрмитаж.

1989

БАЛЛАДА О КУВШИНЕ

*Мастеру, Ольге Петровне Рапай,
скульптору-керамисту посвящается:*

*...Ваши кувшины. Сосуды.
Необыкновенны. Никогда не
думала, что глина может
оживать.*

Аня, ученица 9 класса.

Из черепов и черепков,
вновь ставших глиной,
сквозь толщу лет
сосуд рождался
из одиночеств
вёсен, зим и лет...

И лился свет
из светлых дней
и дней печали
в комочек глины —
на вечный суд...

В огне страстей,
в изломе линий
живёт сосуд,
горит сосуд...

Сосуд,
Кувшин
неутолённой страсти,
ночных видений
продолжение власти,
ненастье старости
и молодости счастье
в сосуде том.

В нём мамы лик
и отчий дом,
где смерти нет
и льётся свет
давно ушедших лиц,
где нет страниц
без песен и молитв,
в кувшине том.

Минувших лет
витки:
из глины, из земли,
из черепа Шекспира,
войны,
чумного пира
витки,
(твоей вины —
моей вины
витки)
в сосуде том.

...Сосуд, Кувшин,
мелодия веков,
застывший в глине зов,
глухая жатва,
вне времени и вне оков
рукопожатье
художника.

1988–1998

ОСЕННЯЯ ПОРА

Осенняя пора,
Печаль
без видимой
причины,
что серебрится
сединой
осенней нити
паутина.
Мне до весны
не догрести.
Остались зримы
метели,
вьюги,
зимы.
Воспоминанья
бьются
птицею в горсти
и отлетают дни.

Жизнь пролетела
мимо...

1970

* * *

Уж лету отлетать пришла пора...
И на виски ложится иней,
хоть далеко до стужи зимней,
но лето... Лето было лишь вчера.

О, лето, лето, ты не уходи,
И осень не грози мне стужей —
Я ремень лет лишь затяну потуже —
Гляди, какие нынче дни, какие дни?

И если где-то там, за летом лет,
Я превращусь в зарю или рассвет,
Я превращусь в траву иль стану глиной,
И не услышу клекот журавлиный...

...Осень, просто осень... Отлетели лёта...

1970

* * *

Багрянцем осени алая,
в аллеи жизни входят юбилеи.
Глядят сквозь линзы поколений
кого жалея, а кого лелея.
У осени суров закон,
Коль не посеял,
то не жди удачи.
Останется лишь листьев звон,
коль мелочь на кон —
медяки на сдачи.
Багрянцем осени задеты,
бродяги вечные и вещи поэты,
самой судьбой
сквозь жизнь, сквозь строй
гонимы той, неведомой строкой.

В молитвах и проклятьях звёзд,
в дыханьи трав и гнёзд
земных, поэт, что чуешь ты,
что слышишь ты?

От одиночества, от суеты,
от подлости,
дыханье осени,
свет ясной, доброй осени —
цвет осени. Их Осень — осені
Багрянцем осени...

1970

* * *

С. Н.

Он весь такой,
какой он есть.
Судьбой издёрганный,
хранимый и ранимый.
Он — выдуманный.
Выстраданный. Мнимый.
...в стихах и музыке —
он весь.
Дней суета плетётся,
словно мечь
и вьётся сигаретный дым
прошедших лет,
минувших зим;
их след не зрим
в убитом сердце, в инии седин.
В стихах — один и в музыке — один.
И льётся свет...
Он — композитор и поэт,
летит...
Летит свободный от оков,
от критиков и знатоков,
от злых и добрых языков,
затерянный среди миров, —
в стихах и музыке он весь...
...и это делает нам честь
любить его таким, каков он есть.

1997

ТАТЬЯНИН ДЕНЬ

Татьяне Распутиной, Актрисе

Жизнь летит, господа,
выпадаем из стаи,
И солнце чужое
под крыльями тает.
Отшумели снега.
Вдали улыбнулся апрель.
А в России зима,
А в России гуляет метель.
Татьянин день. Татьянанин день.
Татьянин день.

Глянь пролётка летит
по Манежной снегами звеня.
И гуляет Москва
Шумно, весело и хлебосольно.
А пролётка летит
и столетия съёжились —
больно.
Ах, Татьяна, Татьяна,
Татьяна целует меня.

И пусть злится зима,
а на сердце сирени кипень...
Это — Пушкина тень
и Есенина тень
над Нью-Йорком,
И поёт о любви,
и плывёт, и летит
над Нью-Йорком
Татьянин день, Татьянанин день,
Татьянин день.

1996

* * *

Отраженье моё, отраженье.
Я гляжу на тебя с отвращеньем.
Где осталось моё отраженье
лет семнадцать от рожденья?
Отчужденье моё, отречение.
От вращения моё отражение,
убирайся. Знать не желаю
зеркала, где растаял.
Где менял и на что!..
золото молодости — на седин
серебро.
Не гляди на меня, не гляди.
Всё старо.
Жизнь играет ноктюрн
с листа,
Ноты — воронов стая
на озимь.
Жизнь играет ноктюрн
номер восемь...
Плачет осень —
скрипач без лица...
Это — я...
В сером небе мелодия
тает.

1997

О ПОЭЗИИ И ПОЭТЕ

Какие табели,
какие испытания?!

Ты плач — упрячь,
Ты стон — зажми,
зажми в гортани хрип —
...и замолчи...
лишь запиши
свой крик,
иль истязание
души...

И снова, снова, снова
сквозь дни,
сквозь годы
всходит слово.
Так
Иногда
Рождаются
Стихи...
...в час покаяния...

1987

СПРОСИ, КАК ПИШУТСЯ СТИХИ

...берётся уголёк души
и на оторванной листве
ты исповедуешься
брату иль сестре
и вечности...
...как пишутся стихи?
берётся уголок души
в Вечер — свечи... Поминовенья,
Раскаянья, Моленья —
где всё болит... Болит. Болит.
И крик души взрывается: он тих,
и льются слёзы покаянья в стих.
...Отчаянья. Вины. Молитв.
Всё всходит на круги,
у каждого стихи свои,
и если дар Всевышнего в горсти —
не спрашивай,
как пишутся стихи.
... ..
Прости мя, Г-споди.
Прости.

1987

РОЗОВЫЙ ЛИМОН

Всё неестественно, как снег,
что грянул, вывалил в апреле.
Всё неестественно, как бег
инфарктника к постели.
Всё неестественно, а между тем,
он падает на наши руки.
XX век — век тем, век — темп.
Век революций, войн и век разлуки...
И мы, естественно, уйдём за горизонт,
Ведь мы пришли ещё в начале.
Пускали в стратосферу первый зонд
Тебя мы создали и на руках качали,
С тобою радовались и страдали
Двадцатый век.
XX век, ты вырос, непоседа и ворчун.
Свой стресс, гипноз колёс, психоз,
упрятав в стальной чугунок, нырнул
и улетел в берёзовый наркоз.
Где плачет радость на плече печали,
и длится сон:
двадцатый век летит к закату. Алый...

А белый снег естественный, как стон,
естественно валил и падал, падал
на холмики могил с тяжёлых крон
апрельским снегом. Снегопадом.

Потомок,
всё помянёт, разбирая памятников лом:
“В тот век, в год тот, в апреле том
снег выпал, вымерз Розовый лимон”.

1980

* * *

Люблю я говор южных городов:
Из солнца он, из моря, из асфальта.
Смешались в нём Одесса и Ростов
С улыбкою над вымыслом и фактом.

Судьба, Судьба?! Где мой пурпурный плащ?..
Где звон клинков и перезвон гитары?
Я просыпаюсь в полосе удач,
Я возвращаюсь, Дюк, и я — в ударе.

Я улыбаюсь бедам всем назло,
Жизнь — тельник, полосы — основа.
Я напеваю, словно очень повезло:
Полоска темная и беленькая снова.

Коль затянулась ночи полоса,
Я воспеваю радость ожидания.
Луна струится сединою в волосах,
А я как школьник уповаю на свиданье.

С певучим Словом южных городов,
Оно — во времени — не потеряло веса.
О, город юности, мой солнечный Ростов.
О, город зрелости, великая Одесса.

1970

* * *

Благодарю сиюминутность
За боль тревог, за пыль дорог.
Благодарю сиюминутность
За лета выпитый глоток,
За то, что песенка не спета,
За солнце в майке голубой,
За то, что ты уходишь в небо
И не берёшь меня с собой.

1978

* * *

Старайтесь отдавать долги
Всем людям, близким и неблизким.
Проспектам, птицам, обелискам.
Стекают листья — жизни дни...
Старайтесь добрым быть всегда —
Не суетливой мысли ради —
сквозь
— Славы.

— Деньги.

— Вёсны.

— Радость,
когда у мамы был, когда!?
Когда, в последний раз, когда?
С друзьями, недругами вместе
Ты пел воспоминаний песни?

Куда года летят, куда?

Всё отлетело
...в Никогда.
В последний раз,
В последний час...
спешите добрым быть..
Всегда.

1987

* * *

Я — кошка
и душа моя бродит в аду... ...мау...

Я — эхо
и оно заблудилось в лесу... ...ауу...

Я — обвал,
я лечу глотку скал
среди дня... ...аааа...

Злой оскал,
кем был, кем не стал,
кем-не-стал, кем-не-стал, кем-не-стал
не тревожит меня

...Камнем стал.

1970

* * *

Улыбку дня
и вечера глаза
у озера души,
застывшие в тиши,
как передать?
Как передать,
что слышу голоса
сегодня из вчера,
ушедшие в века?
Как передать?
Как передать красу
печали
хмельной травы, росы,
стекающей по стали
степной косы...

Как передать
святую простоту,
наивную мечту
сквозь времени реку,
Как передать
любовь
на срезе, на изломе жизни
к родному небу, родине, Отчизне...

1978

Нью-Йорк, 1999 год.

Позднее предзимье...

* * *

...Ноябрь. Позднее предзимье.
Всё ожидает лютость, стужу...
Луна и ворон, и окно
В стынь выворачивают душу.
И прилетают на свиданье
Ушедшие. Их нет давно...
Летят. Летят из мирозданья
взглянуть на сад...

Вокзал — Земля — зал ожидания.

Темно... Листает ночь воспоминанья
и все свершённые грехи казнят. Казнят!
...казнят предательства, горят в горсти,
прости нас, Г-споди,
Прости.
Прости, кто — Авель и кто — Каин
прости.
Амен.

1989

БУЛЫЖНИК

Почти летя,
сверкая и горя,
по лысине моей
прошелестела шина.
Ночь сентября
дремала на вершинах —
ладонях звёзд.
Рябиновая гроздь
сползала в горсть,
где вечность вскользь,
где вечность гость,
а правит суета
и забивает гвоздь
сквозь времена.
Суть — это ночь
и эта тишина.

Обними меня ночь,
тёмно-русой луной
напой,
в голубые глаза
твоих звёзд
не могу наглядеться.
И они,
словно сны,
словно синие сны,
словно чистые сны
детства.
Может быть, я смешон
с объяснением в любви —
прогони,
словно сон прогони.
Может быть я смешон:
объяснение в любви —

не хмельное
гуденье сосны,
не удалый
кленовый звон,
не густой
баритон тополей,
а сердца
каменный стон.
У булыжника — стон?
Ну, конечно, смешон.
Ну, и пусть!
И в глазах твоих
горечь и грусть
стынут пусть.
Я — булыжник,
объясне-обвиненьям
в любви не привык,
я — булыжник,
корявый язык.
Из хаоса,
из силы вселенской
возник
в миг любви...
...Полюби,
полюби меня ночь
и возьми, и возьми
моё сердце.
Одинокое сердце
пришельца.
...Я из космоса
выбыл.
Мои сны на Луне,
где живёт моя ночь.
Там остались долги.
Не оплаченный билл.
Не предъявленный иск.

Вот и всё. Уходи.
Уходи моя ночь.
Солнца диск
уже выплыл.

Я — булыжник. Гранит.
Я — частица чего-то.
Моя память хранит
скрип испанской гарроты.
Словно люди,
я — разный.
Чистый,
грязный.
Гонимый.
Хранимый.
Камень,
словом, я — тот же.
Проплывающих мимо,
я глазею
с балкона Венеции Дожей,
отражая сонливо
зелень залива.
...Такая работа.
Мне бы лучше
торчать в развороте
Микеланджело Буанаротти.
Видно, жребий не выпал.
...На войне, без войны,
по вине, без вины,
у неба, земли,
у пепла Треблинки,
Лидице, Бабьего Яра,
у тех, кто загнулся
на сталинских нарах,
у всех, кто остался там,
а у Осипа Мандельштама —

был выбор?!..
...Я — булыжник,
осколок космической силы
и работал меня
каторжанин Василий;
я — последний
в ряду комиссарской аллеи
и ладонью
касаюсь лица Мавзолея.
Надо мной
вольный ветер знамёна полощет,
метит Лобное Место,
метёт Красную Площадь.

...Я из хаоса выпал.
Меня каторжник выбил.
Я, булыжник —
мироздания выстрел.
Сочетания звёзд. Разночтенье
планет. Биенье сердец.
Всё от Б-га.
Он — Создатель, Творец!

Катит. Катит дорога.
Я — булыжник,
Подорожник склонился ко мне,
Напой меня ночь. Полюби на Земле.

1968–1998

МОСКВА

Виталию Коротичу

За что люблю я
музыку дождя?
За то,
что музыку дождя
никто не пишет.
Июльский дождь
с московской крыши
звучит...
И это —
музыка сегодня
для меня.
За что люблю я
музыку дождя?
За то,
что музыку дождя
не выразить словами.
И ты одна
в оконной раме,
Москва...
И это —
музыка сегодня
для меня.
За что люблю я
музыку дождя?
За то,
что музыка дождя
всегда над нами
Кольцом Садовым,
Чистыми Прудами
соединяет
два материка...
И это —
музыка сегодня
для меня.

ВОТ И ВСЁ

*Проходит всё.
Всё канет в Лету:
Свершенья юности,
Нелепые мечты,
...И песни все
Уже отпеты
У несстареющей Реки,
Где каждому идёт
В зачёт,
Что не
Свершил.
Не испоганил
В деяньях лет
Своих...
И всё.*

1980

ИГРАЙ, МУЗЫКАНТ!

Не имея счёта в банке,
Не намыливая в бане,
Он стучит на барабане
В ожидании Годо...
И летает звук над нами,
Не задерживаясь в драме,
Растворяясь в океане
Одиночества его.

Плачет горько саксофон,
Плачет больно и печально,
Потому что он влюблён
В барабана звук прощальный.

А любовница гитара
От такой любви устала,
И стекает страсти зов
На ладонь её ладов.

Барабан луною пьян
И мелодия звучит.
Ловит он с гитарой *fun*
Засыпая на груди...

Ошалелый бэнд в угаре
От участия в романе.
Он давно уже в ударе —
Соловей на барабане.

Музыкант, играй, играй!
Лабухи, развесте уши,
Это просто Б-жий дар
Льётся, проникая в души.

Ночь заслушалась сама
И Луна разделась голой...
И танцует сатана —
Барабан играет соло...

Вино выпито до дна,
Спит рассвет в оконной раме,
Одинокая струна
Слёзы льёт на барабане...

Не имея счёта в банке,
Не намыливая в бане,
Музыкант на барабане
В ожидании Годо...
И летает звук над нами,
Не задерживаясь в драме,
Растворяясь в океане
Одиночества его.

1999

От Автора:

Дорогие мои: папа, мама, жена, дети, внуки, внуки, родичи.
Вы всегда рядом, мой черновик — или просто жизнь —
состоялась благодаря вам.

Друзья: Виталий и Зина Коротич, Петр Петрович и
Люба Киселёвы, Алексей Степанович и Галина Ивановна
Устименко, Гарри Рудницкий, Белла Ривкина, Виктор
Каганович, Олег Швецов, благодарю вас за то что вы есть.

*Из белых лет и чёрных
зим собрался черновик
моих седин, и вот он
зрим...*

*...не назвал всех дорогих,
любимых...
мы вместе во времени...
Река — бесконечна...*

*Впереди — вечность.
...что ещё,
прошу прощения за всё,
что не сумел,
не сделал,
не успел...*

Петр Нильфельд

СОДЕРЖАНИЕ

Об авторе	6
Дорога	11
Донос: “Вечность”	12
“Мой старый дом, улица. Город”	14
“Кадиш”	17
“Пойдём покуролесим”	18
Базар	20
“Моё детство — колесо на проволоке”	21
Диалог с матерью	22
“...Я прошлому не предъявляю иск”	24
“Я — примитив...”	25
Памяти родных и близких	28
Посвящение	29
Баллада о пепле	30
Ночные бреды	39
“Мне снилась мелодия...”	42
“Я — распластан...”	44
Посвящение	45
Баллада, в которой автор разговаривает с Франсуа Вийоном	46
Памяти Мастера	50
Памяти Ушедшего	51
“Ваше Одиночество”	53
“По театру, Судьбе...”	54
Памяти Петра Петровича Киселёва	56
Письмо жене	58
Из записной книжки	60
Страницы лет	61
Доченька	62
“Сколько душа должна выстрадать...”	63
“...грех ворошить...”	64
Памяти Марины Цветаевой	65
Импровизация	66
Встреча	68
“Я остаюсь среди людей...”	71

Ненастье	72
“...О, крики совести...”	73
“На кладбище приходят сыновья”	74
“Надеешься, что взятки гладки...”	76
Совесьть	77
Камень в ближнего	78
“...Я жду стихов...”	79
“По росам... По звёздам”	80
“...Судьба меня не баловала славой”	81
Поздние дети	82
Покаяние	83
К Натали	87
“Натали, тебе пою”	93
“Собираете что?!”	94
Баллада о кувшине	95
“Осенняя пора...”	97
“Уж, лету отлетать пришла пора...”	98
“Багрянцем осени алея...”	99
С. Н.	100
Татьянин день	101
“Отраженье, моё отраженье”	102
О Поэзии и Поэте	103
“Спроси, как пишутся стихи...”	104
Розовый лимон	105
“Люблю я говор южных городов”	106
“Благодарю сиюминутность...”	107
“Старайтесь отдавать долги”	108
“Я — кошка”	109
“Улыбку дня и вечера глаза...”	110
“Ноябрь. Позднее предзимье”	113
Булыжник	114
Москва	118
Вот и всё	119
Играй, музыкант!	120
От Автора	122
Содержание	124

... и в этих лет
жизни собрался
моя седина,
Зрели...

... не назвал д
любимых...,
мы вместе

Река — бесконеч

Впереди — вечно

... что ещё,
чужду прощени